

МАРИЯ ВОРОНОВА

Ангел скорой помощи

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Ангел скорой помощи / Мария Воронова. — Москва :
Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-172172-5

Детский хирург Константин Коршунов женится по расчёту — его отец мечтает породниться с семьёй высокопоставленных медиков. Никакой любви, лишь взаимное уважение, крепкий тыл, резкий взлёт карьеры. Ян Колдунов, коллега и друг Константина, решает последовать его примеру. Тем более что у него есть отличная кандидатура — рентгенолог Соня. Правда, в прошлом Ян уже бросал её, предпочтя аристократке Соне девушку из обычной семьи. Но на что не пойдёшь ради светлого будущего.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172172-5

© М.В. Виноградова, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Не спеша поднимаясь по больничной лестнице в отделение терапии, Ян Колдунов сетовал на судьбу и собственную бесхарактерность, из-за которых ему в разгар июля вместо солнечных лучей и теплого пляжного песочка приходится довольствоваться унылыми бетонными стенами и лампами дневного света.

Официально он был в отпуске, но коллеги из дружественного стационара, где располагалась клиническая база кафедры, попросили выручить. Что ж, Ян отказываться не стал и даже не сильно обижался, что ему, как человеку, во-первых, прошлому, а во-вторых, самому молодому, поручают наиболее скучную и простую работу.

Уже зная, что терапевты запрещают курить у себя в ординаторской, Ян предусмотрительно поднялся на чердак, быстренько высадил сигаретку, перемигнувшись с наглым зеленоглазым больничным котом, и, последний раз отругав себя за безотказность, отправился в терапию. В коридоре Ян столкнулся с начмедом, который стремительно пронесся мимо, оставляя за собой волну ярости.

Чудом не попав под горячую руку, Колдунов вошел в ординаторскую.

— Добрый день!

— Нет, ты подумай, орет, как на девочку, а у меня стаж вдвое больше, чем у него! — энергично перебила заведующая, которую Ян видел второй раз в жизни и еще не запомнил, как зовут.

Чтобы не вовлекаться в больничные интриги, он неопределенно кивнул и потряс почкообразным тазиком с иглами для плевральных пункций, который принес с собой.

— Безобразие! И если бы еще понимал, о чем говорит!

— Да уж, кошмар, — поддакнул Ян.

— На ровном месте до истерики довел, как теперь прикажете работать? — заведующая картинно прижала руки к груди.

— Нежные вы люди, терапевты, — Ян улыбнулся и поставил свой тазик на стол, стараясь, чтобы он звякнул погромче, — слишком все близко к сердцу принимаете...

— Ой, можно подумать, вам безразлично.

— На нас каждый день орут, то начмед, то кто-нибудь еще, мы привыкли. «Все сказал? Свободен». И работаем себе дальше.

— Ян Александрович, боже, вы ли это? — с этими словами из-за шкафа вышла девушка, и сердце Яна приятно дрогнуло, потому что он узнал Олю, свое первое студенческое увлечение.

Он помнил ее очень хорошенькой, похожей на ангелочка со старинной рождественской открытки, и за те несколько лет, что они не виделись, это

нежное, немного конфетное очарование никуда не исчезло.

— Да, это я, — признался Ян, а Оля улыбнулась в ответ, и ему вдруг сделалось радостно просто от того, что она существует и он видит ее сейчас.

Четыре года назад они познакомились на дискотеке в клубе академии. В темном зале можно было разглядеть только пухленькую фигуру, поэтому Оля не пользовалась успехом, подпирала стенку, и Ян пригласил ее на медляк скорее из жалости, чем из интереса.

От девушки пахло чистотой и очень простыми, но тонкими и ненавязчивыми духами, двигалась она легко, и вообще чувствовать ее рядом с собой было очень приятно.

Ян проводил ее домой, взял телефончик просто из вежливости, но потом все-таки позвонил, позвал в кино, и только в фойе, угощая свою даму кофе, вдруг заметил, какая она миленькая.

А когда выяснилось, что она тоже учится в медицинском, то Ян почувствовал, будто знает Олю всю жизнь.

Есть у врачей такое братство не братство, но, в общем, свойство понимать друг друга с полуслова. И не только романтики это касается. Например, доктор пришел в эту больницу три дня назад, а уже полное ощущение, что работает здесь с незапамятных времен и знаком с коллегами сто лет. Как винтик в системе, только в хорошем смысле.

Тогда они несколько раз встречались, целовались в темных дворах-колодцах и вообще в каждом укромном уголке, но Оля была девушка серьезная,

до свадьбы ни-ни, а Ян фанатично занимался хирургией и не хотел отвлекаться на такое серьезное дело, как создание семьи. И как-то все мирно и весело сошло у них на нет, без взаимных обид и злобы. Яну нравилась Оля, но организм требовал не романтики, а именно того, в чем девушка отказывала ему, так что он стал звать ее на свидания все реже, держа в уме, что, как только образуется свободная минутка, он обязательно подумает о женитьбе. Между тем работать становилось все интереснее и интереснее, Ян сутками пропадал в клинике, приходя домой только поспать. Он числил Олю своей девушкой, но однажды не звонил ей целых три недели, а когда спохватился, выяснилось, что она нашла себе более перспективного поклонника. Ян тогда вроде бы расстроился, а вроде бы и нет, скорее почувствовал облегчение, что одна проблема отпала. Но Оле, конечно, соврал, будто ужасно страдает.

— Ну приветтики, — сказала Оля невозмутимо и сунула ему увесистую пачку историй болезни, — вот тебе на пункции.

— Спасибо, конечно. А снимки есть или, как всегда, только описание?

Оля молча кивнула ему на стопку больших конвертов из почтовой бумаги, откуда выглядывали черные краешки рентгенограмм.

— Снимки ему подавай, — фыркнула заведующая, — а перкуссию Леопольд Ауэнбруггер для кого придумал? Совсем разучились физикальными методами работать.

— Сами бы и пунктировали, если такие умные, — пробормотал Ян себе под нос.

Заведующая услышала и рассмеялась:

— Да мы бы с удовольствием, но сам знаешь, если хирург проткнет селезенку, то это норма жизни, а если терапевт — нездоровая сенсация. Так что не обессудьте... Ольга Анатольевна, покажите доктору рабочее место.

— Пойдем.

Пропуская Олю в дверях, Ян уловил легкий аромат духов, тех же самых, что были у нее тогда, и сердце чуть защемило, но не от любви, а от грусти по себе самому, юному, наивному и радостному оптимисту, теперь навсегда ушедшему в воспоминания.

— А может, сходим как-нибудь на дискач? — шепнул он, склонившись к самому Олиному уху.

— Нет, спасибо.

— Тогда в кафешку? Или в парк поедem погулять?

— Толай в процедурную, Ян, там тебе сейчас будет и дискач, и все, что хочешь, — засмеялась Оля.

Он быстро посмотрел на ее правую руку, но не увидел обручального кольца и решил так скоро не сдаваться.

— Прямо нет-нет?

Оля молча довела его до процедурной, оставила наедине с почкообразным тазиком и пошла искать сестру и скликать пациентов.

Плевральная пункция — процедура простая и довольно нудная, но без должного внимания может привести к трагическим последствиям, как и любое другое вмешательство в человеческий организм, и, как и к любому другому вмешательству, нельзя относиться к ней небрежно и торопиться.

У последнего пациента Ян откачал больше трех литров жидкости шприцом-двадцаткой и в общей сложности провозился почти час.

Рабочее время кончилось, доктора собирались домой, и когда он заглянул в ординаторскую доложить, что задание выполнено, застал их уже без халатов. Оля была в юбке с розами и обтягивающей майке, отчего Яну сразу захотелось с ней целоваться.

Но вместо этого пришлось сесть за стол и записывать истории.

— У всех жидкость получил? — спросила заведующая.

— Обижаете. Фирма веников не вяжет.

— Пиши подробно, чтобы некоторые ценители не придрались.

Ян поморщился. Эту часть работы — механически выводить пустые, ничего не значащие фразы только для того, чтобы было, потому что так положено, он категорически не любил.

— Да у меня протокол резекции желудка получается короче, чем эта ваша пункция, — заныл он.

— Давай, давай! — заведующая засмеялась. — А то совсем хирурги зазнались, уже и истории писать вам не царское дело. Только и слышно от вас, что таблетки назначить может каждый, а ты попробуй рану сердца ушить.

— Вот именно, нездоровый снобизм, — включилась Оля, — и не зовите нас тогда на гипертонические кризы. Раз каждый может.

— А вы нас на тромбофлебиты не дергайте, — парировал Ян. — Гепарином намазать-то уж точно Гиппократом быть не надо.

— Будет вам, дети, не ссорьтесь, — улыбнулась заведующая, — на одной земле живем, одно дело делаем, что делить? Ну все, я побежала, а вы, Ольга Анатольевна, проследите, чтобы он тут все нормально дописал.

Насупившись, Ян в пятый раз принялся выводить «*под местной анестезией р-ром новокаина...*», а Оля принесла в пол-литровой банке воды и сунула туда кипятильник.

— Вроде мы тебе чай с тортиком за работу обещали...

— Чай — это не совсем то, чего бы я хотел, — признался Ян.

Элегически вздохнув, Оля заметила, что жизнь вообще такая штука, что мы редко получаем то, что хотим.

— Рад бы возразить, да нечего, — с этими словами Ян поднялся из-за стола и устоялся в окно, надеясь найти там источник вдохновения.

Терапия располагалась на восьмом этаже, и вид из окна открывался действительно великолепный. Вдалеке поблескивала узкая полоска залива, по рельсам гусеницей полз товарный поезд, а дальше далеко-далеко простирались кварталы новостроек, будто какой-то гигантский ребенок играл здесь в свой гигантский конструктор. Вдалеке искоркой отсвечивал купол собора, возможно, Исаакиевского, а возможно, и нет, Ян плоховато ориентировался на местности. Сразу за больничной территорией простиралась большая, огороженная бетонным забором стройка с разрытой серой землей и живым кипучим беспорядком.

— Красиво, — сказал он.

— Да, ничего.

— Так, может, все-таки?

— Колдунов, не будь занудой.

— Буду, потому что зануде легче дать, чем отказать.

— Нет, не легче. Ян, правда, — Оля заглянула ему в глаза и ласково улыбнулась, — что было, то прошло. Ты бы обо мне вообще не вспомнил, если бы мы сейчас не столкнулись.

— Может, и так. Но мы же... — Ян смутился, не представляя, как спросить и не скатиться в жуткую пошлятину.

— Были счастливы вместе?

— Ну да. С поправкой на то, что я вел себя как идиот.

— Да почему? Все нормально было, и ты мне нравился. Надо было тогда тебя быстренько женить на себе по залету, как девчонки советовали.

Ян засмеялся:

— Интересно, как бы ты это провернула, с твоими моральными устоями?

— А ты бы женился?

— По залету-то? Само собой.

— Да... Жаль, что не рискнула. А теперь что ж, два раза на одни и те же грабли не наступишь.

Ян посмотрел, как в небе величественно разворачивается стрела подъемного крана, перенося огромную бетонную плиту, которая отсюда смотрелась, как воздушный змей.

Чуть выше летел серебристый, точно окунь, самолет, в открытую форточку слабо доносился мерный звук его моторов и шум стройки.

И вдруг Яну так остро стало жаль, что он не является частью простирающегося перед ним города... Живет как-то боком, урывками, а мог бы поселиться в одном из этих новых домов, водить ребенка в детский сад и ждать второго. Быстро прикинув, сколько лет прошло с их романа, Ян сообразил, что второй мог бы уже и родиться. Он бы не спал ночами, бегал на молочную кухню, таскал домой картошку в рюкзаке, и в этой суете, наверное, был бы счастлив. Или нет, но времени бы не оставалось жалеть себя и воображать себе иную участь.

— Очень жаль, что так у нас вышло, — сказал он, — и тогда было жаль, и теперь особенно.

— Не грусти. Все равно в жизни всегда все идет не так, как ты себе вообразишь. Даже если мечты твои сбываются.

Вода в банке забурлила, но Ян сказал, что раз Оля на свидание с ним не пойдет, то он и чай пить не будет.

Сдав по счету использованные иглы перевязочной сестре, Ян немного еще пошатался по отделению, но места для подвига в жизни все не находилось. Пациенты поправлялись по плану, никто не нуждался в экстренной операции, и даже истории все, редкий случай, были оформлены вплоть до того, что в листах назначений проставлены режимы и столы, что Ян порой забывал делать, как прописывал голод при поступлении, так и оставлял, и больные у него умирали бы от истощения, если бы не внимательные медсестры.

Работы нет, а он совсем не устал, наоборот, чувствует прилив сил после приятной встречи с Олей, глупо идти домой и падать на диван.

Ян спустился в приемный покой, зная, что уж там-то всегда найдется если не интересная работа, то способ устать, и пока бежал по лестнице, на сердце снова сделалось легко и весело. Да, он уже не так юн и наивен, но все еще молод и может влюбиться снова. А что Оля не захотела с ним пойти, так это ничего не значит. Сегодня нет, завтра — да. Образуется еще.

В приемнике, как всегда, кипела жизнь. Ян прошел мимо согнувшегося пополам юноши (перфоративная язва, менее вероятно — почечная колика), двух одинаковых с лица полных женщин, одна помладше, другая постарше (подъем АД или приступ стенокардии у матери, дочь сопровождает), мимо мелко трясущегося мужчины с красным лицом, которого следовало срочно брать в оборот, пока он не выдал белую горячку, — и оказался на посту.

Втайне Ян гордился своим умением ставить диагноз, что называется, «с порога», но помнил, что в медицине очень часто все не то, что кажется на первый взгляд, и хоть первая мысль всегда от Бога, но есть нюансы. Поддаться первому впечатлению — значит подвергнуть больного смертельному риску. Пусть юноша на кушетке и выглядит типичным язвенником, заставить его согнуться могло множество самых разных заболеваний, и даже у предполагаемого алкаша типично похмельный вид не обязательно вызван пьянством.

Почти всегда, но не всегда. Надо держать в уме и диабет, и опухоль надпочечников, и, главное, то, что ты сам всего не можешь знать. Поэтому надо внимательно собирать анамнез, осматривать больного и назначать дополнительные исследования. А с последним пунктом дела обстоят так себе... Лаборатория делает только клинические анализы, рентген-аппарат ломается с завидной регулярностью, так что приходится проявлять чудеса изворотливости в своем клиническом мышлении.

Заглянув в комнатку позади сестринского поста и увидев дежурного хирурга Коршунова, Ян отпрянул, ибо совершенно не хотел работать с этим прекрасным, практически безупречным человеком, тем более за бесплатно. Надеялся быстро исчезнуть, но Коршунов уже заметил его:

— Добрый вечер, Ян Александрович!

— Добрый, Константин Петрович. Я заглянул буквально на секундочку, узнать, не нужна ли помощь.

Константин Петрович ожидаемо ответил, что никакая помощь ему не нужна, и вернулся к своим делам. Взяв со стола завывающуюся крупным локоном ленту ЭКГ, он вернул ее медсестре со словами:

— Нет, это надо переделать.

Ян, который уже почти ушел, поставил занесенную над порогом ногу обратно. Ему стало интересно, что будет дальше, ибо такого хамства врачи себе обычно не позволяли. Тем более хирурги, для которых ЭКГ представляла собой темный лес в любом качестве исполнения.